

SHAPOSHNIKOV Aleksandr Andreevich, postgraduate student at Dobroljubov State Linguistics University of Nizhny Novgorod (31a Minina St, Nizhny Novgorod, Russia, 603155; sv.ustinkin@gmail.com)

PROBLEMS OF STUDYING THE INTERNAL TROOPS OF RSFSR-USSR-RUSSIAN FEDERATION (1918–2018)

Abstract. The article considers methodological and historiographic problems of studying the activity of the internal troops during the pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet periods of national history. Despite abundance of the literature lighting the activity of law enforcement agencies in the USSR and modern Russia, features of organizational construction, completing, preparation of command and political shots, improvement of management, fighting application of the organizational propagandist, cultural and educational work, strengthening of discipline and legal education in internal troops demand reconsideration and further studying.

Keywords: troops of the All-Russian Extraordinary Commission, troops of the Supreme Commander-in-Chief, troops of the All-Russian National Security Service, Internal Troops of the Ministry for Internal Affairs of the Russian Federation, Federal Service of the Russian Federation Troops of the National Guard

---

УДК 94 (517)

НОЛЕВ Евгений Владимирович – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; nolev@inbox.ru)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВЛАСТИ И ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ПРАВОВОМ НАСЛЕДИИ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ В XVIII–XIX вв.

Аннотация. Статья посвящена изучению представлений о власти и государственности у монгольских народов, разработанных и зафиксированных в памятниках права XVIII – XIX вв., в условиях развития монгольской политической культуры в рамках имперской государственности России и династии Цин. Исследование базируется на анализе письменных юридических и исторических памятников «Цаджин бичиг» (Монгольское уложение), «Халха Джирум», Селенгинское уложение 1775 г., Устав об управлении инородцев 1822 г. и т.д.

Ключевые слова: государственность, монгольские народы, империя Цин, Российская империя, «Цаджин бичиг», «Халха Джирум», Устав об управлении инородцев

В рамках настоящего исследования продолжается изучение представлений о власти и государственности в монгольских правовых памятниках XIII–XIX вв. [Базаров, Нолев 2017; Нолев 2017]. Подписанием 29 августа 1689 г. Нерчинского договора об установлении мирных отношений и размежевании владений Цинской империи с Русским государством и заключением Буринского трактата 20 августа 1727 г. были зафиксированы результаты геополитического передела во Внутренней Азии. Это определило утрату политической самостоятельности монгольских народов и их дальнейшее развитие в рамках имперской государственности державы Романовых и династии Цин на протяжении двух столетий. В мае 1691 г. на долонорском съезде владетельных

князей Халхи и Внутренней Монголии было оформлено решение о вхождении Халхи в состав Цинской империи. Территории указанных монгольских земель были объявлены императором Канси (Сюань Е) частями Цинской империи, а все монголы, проживавшие на этих землях, — его подданными, которые обязаны подчиняться его законам.

С XVIII в. политическая культура монгольских народов развивается в рамках политико-правовой системы Российской и Цинской империй и определяется двумя характерными тенденциями. Во-первых, сохранением и развитием в качестве регулятора общественной жизни монгольских правовых традиций, в той или иной степени модернизируемых под влиянием правовых норм империи: «Халха Джирум» — у монгольских народов Цинской империи; «Хэб тогтогол» [Селенгинское уложение] 1775 г. — в России. Изучение этих памятников позволяет выявить механизмы функционирования институтов власти в кочевом обществе в условиях потери политической автономии и трансформации общественного устройства. Во-вторых, имперской политикой по отношению к «инородцам» и «внешним вассалам», призванной сформировать и закрепить представления о верховной власти. В Китае к таким нормативным актам относились «Цааджин бичиг» [Монгольское уложение], Уложение Палаты внешних сношений 1789 г., Уложение 1815 г. и т.д., в Российской империи — Устав об управлении инородцев 1822 г.

«Халха Джирум» включает в себя 24 закона, постановления и решения, принятых на съездах в период с 1709 по 1770 г. и получивших широкое применение в Халхе в период вхождения Северной Монголии в состав Цинской империи. Согласно мнению исследователя монгольского права С.Ж. Дугаровой, акты «Халха Джирум» характеризуют положение Халхи в составе Маньчжурского государства как государственно-территориального образования, сохранившего традиционные институты управления [Дугарова 2016: 273].

«Цааджин бичиг» [Монгольское уложение]¹ является сводом маньчжурских законодательных актов для монголов. Административная стратегия маньчжурских правителей, рассматривающих монголов как подданных империи и в то же время как «внешних вассалов», детерминировала сочетание в цинском законодательстве, наряду с нормами маньчжурского права, разработанными специально для монголов, традиций монгольского обычного права. С 1636 г. маньчжурское законодательство в форме монгольских уложений распространилось на территории Внутренней Монголии, а с 1691 г. специальная комиссия Палаты внешних сношений (Лифаньюань) стала осуществлять деятельность по разработке новых и унификации старых законов. Подготовленное данной комиссией Монгольское уложение было утверждено императором Канси в 1696 г.

Интеграция монгольских политий в состав цинского Китая обусловила необходимость легитимации правления маньчжурского императора с позиции представлений о власти, разработанных в правовых традициях монголов. Обретение императором Хунтайцзи в 1635 г. нефритовой печати императоров династии Юань позволило правителям династии Цин обосновать легитимность своих притязаний на правление монгольскими народами и сформировать представление о преемственности своей власти над Китаем. Сакрализация власти маньчжурских императоров происходила также посредством буддизма, получившего к этому времени широкое распространение среди монгольских народов. Далай-лама V даровал китайскому императору титул «Будда настоящего времени» [Намсараева 2003: 15]. Как следствие, по замечанию Б.Я. Владимирцова,

¹ Цааджин бичиг [Монгольское уложение]. Цинское законодательство для монголов. 1627 — 1694 гг. Введение, монгольский текст, транслитерация монгольского текста, перевод и комментарии С.Д. Дылыкова. 1998. М.: Восточная литература РАН. С. 8.

«манджурский император в глазах народных масс сам стал воплощением буддийского божества, чуть ли не главою буддийской церкви» [Владимирцов 2002: 488]. При этом модель взаимоотношений правителей Цинской империи и буддийских иерархов отличалась от традиционной концепции союза «алтаря и трона», принятой монгольскими ханами. Как отмечает Т.Д. Скрынникова, «существенным является то, что в отличие от этих правителей, использовавших ламаизм в качестве идеологического обоснования своей власти, маньчжурский двор видел в нем лишь средство влияния на включенные в империю ламаизированные области, а отношения чжан-чжа-хутухты с императором определялись как отношения лама — донатор, а не учитель — ученик» [Скрынникова 1988: 51]. К тому же положение лам в Цинский период подлежало строгой регламентации. В то же время освящение власти цинских императоров буддийской религией щедро поощрялось в виде законодательного закрепления привилегий церковных иерархов и защиты буддийской церкви. Согласно ст. 24 Уложения о монастырях 1736 г. попытки нападения на монастырь сурово карались: человека ханского происхождения изгоняли и лишали всех подданных, а простолюдин за аналогичное преступление подлежал смертной казни с конфискацией всего движимого и недвижимого имущества¹. Такие очертания приобрела новая формула духовно-политического союза буддизма и цинской администрации.

Меры, принятые маньчжурским правительством в области административного права, были призваны ослабить реальную власть монгольских правителей, сохранив их почетные привилегии. Цинским законодательством устанавливался особый порядок присвоения императорами титулов и званий монгольским аристократам, назначения их на должности со строгой регламентацией прав и обязанностей князей перед маньчжурскими правителями².

Административно-территориальное деление Внешней Монголии строилось на основе единообразной системы «знамен» — хошунов. Правители хошунов — дзасаки — утверждались императором из достойных кандидатур по представлению Палаты внешних сношений. Таким образом, конкуренция иерархических моделей, доминировавших в монгольском мире в период малых ханов, сменяется принципом службы императору. Значительная роль в политической системе Монголии в период цинского господства отводилась чулганам — съездам хошунных дзасаков, отсутствие или опоздание на которые наказывались солидными штрафами³.

Внешняя Монголия в концепции управления Цинской империи занимала положение своеобразной буферной зоны, отделяющей империю от соседних стран. В традициях китайской политики на таких территориях действовали принципы: «управлять варварами с помощью варваров», «атаковать варваров с помощью варваров», «сдерживать варваров с помощью варваров» [Намсараева 2003: 15]. Закономерно предположить, что политика маньчжурских правителей по отношению к Халхе в своем архетипе унаследовала данные принципы, что подтверждается положениями цинского законодательства для монголов. Одна из главных задач дзасаков и князей Внешней Монголии заключалась в поддержании боеспособности войск, включавших все боеспособное население. За бегство ванов, нойонов, хошунных тайджи и гунов с поля боя предполагалось отобрать у них всех подчиненных людей и разжаловать в простолюдины; малодушие простолюдинов во время сражения каралось смертной казнью, кон-

¹ Халха Джигурум. Памятник монгольского феодального права XVIII в. (сводный текст и пер. Ц.Ж. Жамцарано; подг. текста к изданию, ред. пер., введ. и прим. С.Д. Дылыкова). 1965. М.: Наука. С. 47.

² Цааджин бичиг [Монгольское уложение]. С. 84–85.

³ Там же. С. 84.

фискацией движимого и недвижимого имущества, разорением жен и детей¹. Ратные подвиги поощрялись наградами и повышением в должности. Особые стандарты были предусмотрены для поведения войск во время походов по отношению к мирному населению, призванные сдерживать стихию военных обычаев кочевников в рамках миропорядка единого государства. Ванам и нойонам предписывалось следить за воинской дисциплиной подчиненных, не допускать мародерства, зла и насилия по отношению к местному населению, а также оказывать помощь мирным жителям².

Подробная регламентация военного дела ярко иллюстрирует основную функцию «внешних вассалов» империи, присущую традиционной китайской модели управления. Намеренное углубление дистанции между метрополией и Внешней Монголией отражается в правовом наследии³. Во-первых, наряду с изменением административно-территориального устройства была сохранена традиционная граница с Внешней Монголией и пограничная застава. Во-вторых, запрещалось продавать оружие халхасцам и ойратам. Вероятно, подобные ограничения были связаны с необходимостью сохранения военного превосходства маньчжурской армии, уже знакомой с огнестрельным оружием, в условиях опасения усиления монголов. В-третьих, ритуал размещения подданных императора во время столичного приема предполагал более высокое положение аристократов Внутренней Монголии по отношению к представителям Халхи.

Еще одной специфической особенностью взаимоотношений цинского двора и «внешних вассалов» Халхи стало содержание даннических отношений. Основной обязанностью населения Северной Монголии считалась воинская повинность. Выплата дани, представлявшей собой традиционный инструмент монгольской дипломатии в отношениях с цинским Китаем, еще до утраты независимости, после признания маньчжурского господства закрепляется на законодательном уровне с указанием ее размера, регулярности и дальнейшей диверсификации дани «по состоянию». При этом, учитывая значительные размеры дани, ежегодно поставляемой цинскому императору, она все же отличалась от регулярной фиксированной системы налогообложения населения и сохраняла характер ритуального дарообмена. Так, за предоставление в качестве дани одного белого верблюда и восьми белых лошадей правителям монгольских земель в награду полагалось по одному серебряному кувшину весом в тридцать ланов, по одной резной деревянной чашке, по тридцать кусков шелка и по семьдесят кусков черной материи⁴. Подобная модель даннических отношений в контексте типологии взаимодействия кочевников и земледельцев в рамках империи может характеризоваться усилением политической интеграции при определенной консервации традиционных общественных порядков и экономических отношений в монгольском обществе.

Результатом закрепления на законодательном уровне положения монголов Халхи в качестве «внешних вассалов» могли стать противоречия в правовой системе Внешней Монголии в конце XIX – начале XX вв. Как отмечает Р.Ю. Почекаев, официально источниками права для монголов служили нормативные акты и кодификации, разработанные маньчжурскими властями в XVII–XIX вв., реально же правоотношения регулировались актами монгольских правителей и обычным правом [Почекаев 2017: 14].

Нерчинский договор и Буринский трактат закрепили вхождение Бурятии в

¹ Там же. С. 68.

² Там же. С. 70.

³ Там же. С. 55, 90, 99.

⁴ Там же. С. 70.

состав Российской империи. Несмотря на дискуссионность некоторых вопросов процесса присоединения Прибайкалья и Забайкалья, обращает на себя внимание характеристика, данная С. Владиславичем-Рагузинским в 1727 г., которая отражала сложившийся уровень отношений и взаимного восприятия имперской власти и местного населения: «Буряты служат верою России, не уступая природным россиянам» [История Бурятии 2011: 63].

Восприятие местным населением верховной власти «белого царя» дополняется сакрализацией со стороны буддийской общины в Российской империи. В историографии утвердилось мнение о том, что, согласно Указу 1741 г., буддизм получил официальное признание в качестве одной из религий Российского государства. Реконструируемые статьи данного Указа о комплектном числе лам и запрещении под страхом смертной казни контактов с внешним буддийским миром свидетельствуют о тенденции формирования автокефальной церкви. Поддержка буддизма со стороны властей определялась сильным идеологическим влиянием среди населения и позднее – пониманием перспективного геополитического значения буддизма в качестве плацдарма для укрепления позиций во Внутренней Азии. В то же время представителям буддийского духовенства было необходимо заручиться поддержкой императора. Как следствие подобного политико-религиозного симбиоза Н.В. Цыремпилов отмечает наделение российского монарха атрибутами дхармического властителя в ритуальных практиках буддистов Российской империи. Также в песенном фольклоре бурят сохранилось предание об объявлении императрицы Екатерины II воплощением бодхисаттвы Тары в белой ее ипостаси [Цыремпилов 2013: 207].

Другим проявлением эволюции восприятия по отношению к «белому царю» стало отождествление источника права в правосознании бурят с государством в лице монарха, а хранителей права – с должностными лицами, утверждаемыми монархом [Тумурова 1997: 46].

Устав об управлении инородцев 1822 г. вводил систему местного самоуправления сибирских народов, ставшую отражением политики регионализма Российского правительства, заключающуюся в стремлении обеспечить казну налогами и постепенно инкорпорировать сибирских инородцев в общероссийское пространство при сохранении этнического самоуправления¹. При этом активное внедрение товарно-денежных отношений, денежных поощрений и штрафов, закрепленных в обычном праве бурят, а также дифференцированная налоговая политика, призванная изменить даннический характер отношений, характерный для практики выплаты ясака в XVII в., были направлены на активное включение населения, принадлежащего к разным разрядам, в процессы хозяйственно-экономического развития империи.

Таким образом, анализ представлений о власти и государственности в правовом наследии монгольских народов в период их развития в составе Российской и Цинской империй позволяет изучить процессы интеграции населения Бурятии, Внутренней и Внешней Монголии в имперское политико-правовое пространство, детерминировавшие различия статусов российских подданных и «внешних вассалов» династии Цин.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда. Проект №14-18-00552 «Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии».

¹ *История Аларской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1824–1889 гг.): сборник документов, перечень документов (авт.-сост. Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас; науч. ред. Б.В. Базаров). Иркутск: Оттиск. 2014. С. 3.*

Список литературы

- Базаров Б.В., Нолев Е.В. 2017. Представления о власти и государственности в правовом наследии монгольских народов в XVII в. — *Власть*. № 12. С. 89-94.
- Владимирцов Б.Я. 2002. *Работы по истории и этнографии монгольских народов*. М.: Восточная литература. 557 с.
- Дугарова С.Ж. 2016. *Историография монгольского государства и права (XIII – начало XIX в.)*. Улан-Удэ: Изд-во БГУ. 332 с.
- История Бурятии*. В 3 т. Т. II. XVII – начало XX века. 2011. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 624 с.
- Намсараева С.Б. 2003. *Институт наместников цинского Китая в Монголии и Тибете в XVIII веке*: автореф. дис. ... к.и.н. М. 24 с.
- Нолев Е.В. 2017. Представления о власти и государственности в правовом наследии монгольских народов XIII–XVII вв. — *Власть*. № 10. С. 162-166.
- Почекаев Р.Ю. 2017. Традиционное право Монголии под властью империи Цин в записках российских путешественников конца XIX – начала XX века. — *Сибирский юридический вестник*. № 3(78). С. 14-21.
- Скрынникова Т.Д. 1988. *Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия. XVI – начало XX века*. Новосибирск: Наука. 104 с.
- Тумурова А.Т. 1997. *Обычное право бурят по Селенгинскому уложению 1775 года*: автореф. дис. ... к.ю.н. М. 224 с.
- Цыремпилов Н.В. 2013. *Буддизм и империя. Бурятская буддийская община в России (XVIII – нач. XX в.)*. Улан-Удэ: Буряад-Монгол ном хэблэл. 338 с.

NOLEV Evgeniy Vladimirovich, *Cand.Sci. (Hist.)*, Researcher of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch of Russian Academy of Sciences (6 Sah'janovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, 670047, Russia; nolev@inbox.ru).

PERCEPTIONS OF POWER AND STATEHOOD IN THE LEGAL HERITAGE OF THE MONGOLIAN PEOPLES IN THE 18TH–19TH CENTURIES

Abstract. The article studies the perceptions of power and statehood of Mongolian peoples in the 18th – 19th centuries as they reflected in sources on juridical matters. The study of legal history of the Mongolian peoples enables us to reveal the peculiarities of shaping and functioning of state institutions and the evolution of perceptions about their subject and boundaries in the historical retrospective in the context of the set of objective legal monuments which form a valuable historical source. On the one hand, they reflect the status quo they are designed to regulate. On the other hand, they shape goals and imperatives of social development. In addition, being official documents that construct the historical reality, these historical sources are devoid of personal interpretation. This, however, did not preclude the possibility of their further editing in order to adapt them to new ideological objectives. The study is based on such written legal and historical monuments as *Tsaadzhin bichig* (Mongolian Code), *Khalkha Jirum*, *Charter on Alien Management of 1822*.

Keywords: statehood, Mongolian peoples, Qing Empire, Russian Empire, *Tsaadzhin bichig*, *Khalkha Jirum*, *Charter on Alien Management*
